

В генеральском шатре уже кто-то сидел.

Одетый в лазурные одежды учёного, с веером из птичьих перьев в руке, этот человек обвёл лукавым взглядом вошедшую троицу. Он с любопытством изучал прибывших, а его глаза, напоминавшие формой лепестки персика, так и искрились.

— Что же вы так поздно? — пропел он, пригубив чай из чашки тонкого фарфора. — Скромный книжник заждался господ офицеров!

В его движениях сквозила такая непринуждённость, словно он находился не в военном лагере посреди пустыни, а в тихом дворике столичной усадьбы погожим весенним днём.

— Фан Уби! — Вэй Ю, глядя на это праздное великолепие, едва сдержал ярость. — А ну, захлопнись со своими колкостями! Какого чёрта ты здесь прохлаждаешься, а не инспектируешь лагерь?

Молодой человек лишь пренебрежительно хмыкнул, обмахнувшись веером.

— Подобный грубый труд, требующий лишь верблюжьей выносливости, не для таких, как я, — бросил он, окинув помощника генерала Вэя надменным взглядом.

— Ах ты, щегол! — Вэй Ю вскипел, засучив рукава и покраснев, готовый вцепиться в наглеца.

— Кхм! — Ян Цзо поспешно шагнул между ними, предостерегающе кивнув в сторону. — Генерал здесь.

Фань Ло уже сидел во главе стола. На его лице, подобном безупречному резному нефриту, застыло привычное безразличие. Он изучал разложенную перед ним карту, словно не замечая присутствия подчинённых. Ссора мгновенно затихла; спорщики обменялись последними гневными взглядами и разошлись по своим местам.

— Каковы потери? — раздался голос Фань Ло, холодный, как треск ломающегося льда.

Ян Цзо почтительно сложил руки. Его грубоватое лицо посуровело.

— В левом и правом крыльях в сумме около сотни убитых и раненых. В центральной колонне потери достигли почти тысячи.

— О да, брат Фань, шум стоял знатный! — вставил военный советник Фан Уби, картинно содрогнувшись. — Я прямо-таки подскочил на месте. Лязг стали, крики, жажда крови... Так вот ты какое, поле брани!

Вэй Ю снова пренебрежительно фыркнул. Фань Ло, помолчав мгновение, обратился к советнику:

— Ты не ранен?

Фан Уби азартно блеснул глазами. Он гордо похлопал себя по груди, отозвавшейся сухим металлическим звоном.

— Не беспокойся, брат Фань! На мне доспех из шелка небесного шелкопряда, никакая сталь его не возьмёт!

В этом никто и не сомневался. Единственный и обожаемый сын военного министра отправился в эти Богом забытые пески лишь ради того, чтобы добыть немного славы для будущей карьеры, и уж конечно, отец не поскупился на лучшие охранные артефакты. Именно это больше всего раздражало прямолинейного Вэя. «Нашёлся герой... Столичный франт, которому бы только девок в чайных обхаживать, лезет в самую гущу событий!»

Впрочем, сам молодой господин Фан смотрел на «Бога войны» и кровавую сечу с восторгом дилетанта, начитавшегося героических романов.

Фань Ло едва заметно кивнул и бросил короткую фразу:

— У нас завёлся лазутчик.

В шатре воцарилась тяжёлая, давящая тишина. В самом деле, то, что враг сумел среди ночи безошибочно нанести удар прямо по генеральскому шатру, игнорируя десятки тысяч солдат, было за гранью случайности.

Ян Цзо нахмурился, погрузившись в раздумья.

— Быть может, шпион затесался среди пограничных гарнизонов, которые мы недавно включили в состав армии?

Он вздохнул и покачал головой.

— Я хотел допросить пленных, но все они оказались немыми. — В голосе Яна прозвучало невольное уважение к врагу. — Ночные налётчики были прекрасно подготовлены. Мало того что это отборные бойцы, так они ещё и заранее лишили себя возможности говорить, приняв яд. Настоящие мертвые воины.

Фань Ло резким движением свернул карту и скомандовал:

— Завтра казнить пленных. Окропим кровью знамёна и выступаем.

С этими словами он встал и принялся снимать чёрный доспех, одну за другой бросая тяжёлые пластины прямо на землю. Помощники переглянулись: за годы службы они привыкли к суровому нраву своего командира. Тот не был «нефритовым бодхисаттвой». За каждое нанесённое ему оскорбление он платил десятикратной карой.

Когда офицеры покинули шатёр, Фан Уби, убедившись, что лишних ушей нет, со скользкой ухмылкой приблизился к Фань Ло.

— Брат Фань, — прошептал он вкрадчиво, — я слышал, твой личный слуга ранен в грудь, и Бородачу пришлось его спасать. Говорят, бедняге теперь долго восстанавливаться в тылу. Может, подберёшь себе кого-нибудь из моих людей? Есть у меня парочка... смыслёных и крайне предупредительных юношей.

Он прищурил свои красивые глаза цвета персика, выдав всю глубину столичной испорченности. Фань Ло на миг замер, сбрасывая наручи. Его открытая белая шея была столь безупречна, что Фан Уби невольно сглотнул, борясь с искушением, но не решаясь на дерзость.

— Тот солдатик...

— А? — Фан Уби моргнул, приходя в себя. — Ты про того дурачка, которому только что всыпали палок?

Генерал едва заметно кивнул.

— Пусть будет он.

Советник замер, лихорадочно обмахиваясь веером. «Вот тебе и раз! — пронеслось у него в голове. — Ни один из моих красавцев-слуг, привезённых из столицы, не сравнится с этим деревенщиной? Надо будет получше присмотреться к этому парню!»

Ли Цюань, втягивая голову в плечи, ввалился в генеральский шатёр с тазом воды в руках. Он так дрожал от страха, что едва не запнулся у самого входа — вода едва не выплеснулась прямо на генерала, сидевшего за столом.

Лишь чудом Ли Цюань удержал равновесие. Годы службы не прошли даром: он вовремя перенёс вес на переднюю ногу, застыв в глубоком выпаде.

— Ох... — вырвалось у него.

Резкая боль пронзила несчастный зад. Десять ударов армейской палкой — это вам не шутки. Кости, может, и целы, но мясо превратилось в сплошной кровоподтёк. Ли Цюань был уверен: спусти он сейчас штаны, там не нашлось бы и живого места — одна сплошная синева.

Он воровато поднял взгляд на своего мучителя.

Шатёр был разделен на две части плотным пологом. В тусклом, пляшущем свете свечи Фань Ло казался не человеком, а ожившим изваянием. Длинные волосы чёрным водопадом рассыпались по плечам, точёный профиль сиял мягким лунным светом, а в его взгляде, с глазами-феликсами, уходящими к вискам, таилась бездонная глубина. Алая метка меж бровей, похожая на капельку киновари, придавала его облику нечто колдовское и пугающее.

Ли Цюань сглотнул, вспоминая наставления. После порки он едва успел вползти в палатку к стражам, как Чжао Сы — старый вояка, только что сменивший Ван Ху, — всучил ему таз.

— У генерала личный слуга ранен, — проворчал старик. — Теперь ты за него. Смотри, парень, служи усердно и держи язык за зубами, если не хочешь добавки!

Для Ли Цюаня это стало ударом под дых. И так всё болит, а тут ещё и к самому генералу на глаза соваться! Но приказ есть приказ. «Ничего, — подбодрил его Чжао напоследок. — Делово: принеси воды да протри его чёрный доспех».

Глядя на генерала, погружённого в бумаги, Ли Цюань не решился нарушить тишину. Он лишь робко поклонился и принялся искать тот самый чёрный доспех. К его изумлению, на железной стойке было пусто. Присмотревшись в полумраке, он обнаружил доспехи... на полу.

Великолепные латы из воронёной стали, инкрустированные чёрным камнем, валялись жалкими грудками прямо на притоптанной земле.

«Какое расточительство! — возмутился про себя Ли Цюань. — Такую красоту — и в грязь!»

Забыв о страхе, он принялся аккуратно поднимать детали доспеха, украдкой поглядывая на генерала. Осторожно развесив всё по местам, он взял мокрую тряпицу и принялся бережно оттирать металл от пыли и запекшейся крови.

«Этот солдатик... как щенок».

Такой была первая мысль Фань Ло, когда он снова увидел Ли Цюаня.

Тот тёр доспехи, но то и дело испуганно оборачивался. Он смотрел так выразительно своими

живыми, подвижными глазами, что генерал невольно вспомнил старого пса, которого когда-то подобрал Ху Бо. Тот тоже любил прятаться в тени и украдкой наблюдать за маленьким Ло-эром.

Ли Цюань замирал всякий раз, когда Фань Ло заносил кисть над бумагой, и тут же начинал с удвоенным рвением возить тряпкой по металлу, стоило генералу сделать паузу.

Наконец Фань Ло отложил кисть.

— Имя.

От неожиданности Ли Цюань едва не выронил тряпку. Он вцепился в железную стойку, огляделся по сторонам и, убедившись, что в шатре только они вдвоём, пролепетал:

— Г-генерал... это вы мне?

Фань Ло не удостоил его ни кивком, ни взглядом. Он лишь повторил тем же бесстрастным тоном:

— Имя.

«Жаль, что он не улыбается, — пронеслось в голове у непутёвого Ли Цюаня. — Улыбнись он, и точно небожитель бы спустился!»

Страх и боль в заду внезапно отступили, уступив место природному добродушию. Ли Цюань широко улыбнулся, явив глубокие ямочки на щеках, а сам он засиял, точно звёзды в ночном небе.

— Генерал, фамилия моя Ли, а зовут Цюань.

— Цюань? — Фань Ло всё так же не поднимал головы, но в голосе его промелькнуло любопытство. — «Цюань», что значит «Верный долгу»?

Ли Цюань на мгновение замер, прополаскивая тряпку в тазу, а затем беззаботно ответил:

— Полноте, генерал! Мои родители — простые пахари, грамоте не обучены. Для них «Цюань» — это просто надежда, что у их непутёвого сына всего будет в достатке.

Мирная жизнь в тепле и сытости — предел мечтаний для любого родителя в поднебесной.

Фань Ло надолго замолчал, словно переваривая услышанное, и наконец тихо уронил:

— Вот оно как...

В неверном свете свечи Ли Цюаню показалось, что генерал вовсе не такой страшный, каким казался днём. Обычный человек, даже вежливый — вон, именем поинтересовался. В конце концов, Ли Цюань ведь и правда нарушил дисциплину, так что палки получил за дело.

Почёсывая затылок, малый присел перед тазом и спросил:

— Ваше превосходительство, доспехи я вычистил. Будут ещё поручения?

Вообще-то он просто спросил из вежливости — Чжао Сы ведь сказал, что только протереть доспехи надо. Он и подумать не мог, что генерал решит нагрузить его чем-то ещё.

Однако великий полководец Фань Ло и не подумал церемониться.

— Тушь растирать умеешь?

Ли Цюань поперхнулся воздухом и замялся.

— В детстве... видал, как это делают, — честно признался он.

— Подойди, — последовал сухой приказ. — Растирай.

С видом человека, проглотившего кусок горькой полыни, Ли Цюань поплёлся к столу. Он взял брусок туши, капнул немного воды и, припоминая смутные образы из прошлого, принялся чинно водить камнем по камню для растирания, выписывая ровные круги.

<http://bllate.org/book/17414/1648536>